

И.Ф.Максимычев: дипломат, германист, поборник «Большой Европы»

Ю.Ф. Головлев

Биография Игоря Федоровича Максимычева с большой точностью отражает российские/советские реалии XX века. Он родился в ноябре 1932 г. в туркменском городке Тахта-Базар, близ границы с Афганистаном. Сюда комсомол командировал из Ашхабада его мать, Екатерину Григорьевну Шабанову, в качестве вспомогательной силы при проведении землемерных работ (завершалась коллективизация сельского хозяйства). Отец, Федор Яковлевич Максимычев, закончил экономический факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в Ташкенте по специальности инженер-автомобилист. Он был талантливым дизайнером, участвовал в оформлении Туркестанского павильона на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 г. в Москве. По окончании университета работал в Главном управлении шоссейных дорог Средней Азии. В 1936 г. был призван в кадры РККА. Участвовал во вводе советских войск в Иран в 1941 г., позже стал преподавателем Академии тыла и снабжения Советской армии (г. Калинин).

Подполковник в отставке, кандидат военных наук, имел правительственные награды. Мать до войны работала корректором в редакции ежедневной газеты «Звезда Востока» (Ташкент), приобрела специальность учительницы французского языка средней школы. Во время войны была направлена на перепрофилированный для оборонных нужд завод «Ташсельмаш». Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

И мать, и отец Игоря Федоровича – потомки крестьян-выходцев из Центральной России, оставшихся без земли после отмены крепостного права и двинувшихся в рамках государственной программы переселения поднимать целину в Средней Азии.

Головлев Юрий Федорович – выпускник МГИМО(У) МИД России 1956 г. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Дед по материнской линии остался крестьянином, дед по отцовской линии стал мастером в железно-дорожных депо в Ашхабаде, а затем в Ташкенте.

И.Ф. Максимычев пошел в школу в 1939 г. в Ташкенте, а окончил учебу с золотой медалью в 1950 г. в Калининне (Твери). В выпускных классах у него были отличные учителя, благодарность которым он сохранил на всю жизнь. Он много читал, не ограничиваясь рамками школьной программы. В этом ему помогал богатый фонд библиотеки Академии тыла и снабжения, услугами которой он смог пользоваться. Сильное влияние на формирование его характера оказали труды Д.И. Писарева с критикой всех и всяких авторитетов. Некоторое время он колебался в выборе вуза и будущей профессии; его привлекали филология и история. В конечном счете он подал документы для поступления на исторический факультет МГИМО. Победил романтический ореол дипломатической работы при сохранении исторического профиля образования; привлекала также перспектива глубокого усвоения иностранного языка.

В те годы основная масса студентов МГИМО рекрутировалась не из «золотой молодежи». Вместе со вчерашними школьниками постигали секреты будущей профессии бывшие участники войны и отслужившие в армии ребята. Да и немногочисленные дети знатных родителей старались не выделяться из общего фона. На долгие годы учебы аристократический особняк у Крымского моста стал для всех вторым родным домом. Бушевавшие в стране политические бури не обходили мгимовников стороной. Они вели между собой страстные дискуссии о будущем страны, добросовестно выполняя при этом поручения бюро комсомола по пропаганде среди населения решений партии и правительства. Проводили политинформации среди обитателей плотно заселенных подвалов Арбата. Шефствовали над комсомольскими организациями промышленных предприятий Москвы (ИФМ был направлен на текстильный комбинат «Красная Роза»). Пытались разобраться в «деле врачей». Участвовали в похоронах И.В. Сталина. С воодушевлением поддерживали первые шаги хрущевской оттепели. Из уст в уста передавались слова одного из студентов старшего поколения: «Эпоха Сталина закончилась, пора возвращаться к Ленину».

Студенческая жизнь завершилась для ИФМ в 1956 г., который вошел в историю как год XX съезда КПСС. Его дипломная работа посвящалась теме «Гарантии независимости Австрии по Сен-Жерменскому мирному договору и аншлюс Австрии в 1938 г.». Диплом с отличием удостоверял получение квалификации специалиста по международным отношениям стран Запада. О том, что центр тяжести при этом лежал на отношениях с Германией и Австрией, умалчивалось; отсутствовала ссылка на владение двумя языками (немецкий и французский). Зато содержалась отметка о дополнительной специальности — учитель немецкого языка средней школы. Педагогическую подготовку с практикой в школах все студенты набора 1950 г. прошли в те-

чение 6-го курса, организованного для них в связи с ожидавшимся падением спроса на международных.

По окончании учебы ИФМ был принят на работу в МИД СССР и после непродолжительной практики в Консульском управлении министерства был направлен в Консульство СССР в Лейпциге (ГДР) на должность референта. В первую заграничную поездку отправились всей семьей (в ноябре 1954 г. студентка романо-германского отделения Калининского педагогического института Анна Викторовна Румянцева стала женой ИФМ; в мае 1956 г. у них родилась дочь, которой к моменту выезда за рубеж исполнилось два месяца). Ехали поездом Москва–Берлин, собирая множество новых впечатлений. Ранним утром 17 июля состав сделал короткую техническую остановку в польской Познани, где, как сообщали разнообразных «голоса», несколько недель тому назад состоялись массовые волнения. ИФМ навсегда запомнил мрачную недоброжелательность, с которой заполнившие перрон в ожидании электрички люди в полном молчании разглядывали «русский вагон».

Работа в консульствах имеет ту особенность, что вплотную знакомит с самым широким набором видов дипломатической и сопутствующей ей деятельности. За два года работы в Лейпциге ИФМ пришлось наряду с поддержанием контактов по линии молодежных организаций СССР и ГДР, составлением информации о ситуации в консульском округе, а также, устными и письменными переводами заниматься:

- оформлением актов гражданского состояния военнослужащих ГСВГ из расположенных близ Лейпцига частей;
- экзгумацией по поручениям из Москвы захороненных в ГДР останков советских граждан и отправлением их в СССР;
- пересылкой проживающим в Советском Союзе наследникам имущества, завещанного скончавшимися в ГДР родственниками и т.д.

Когда серьезно заболела работавшая в консульстве секретарь-машинистка, ИФМ «в силу производственной необходимости» вынужден был освоить машинопись. Весь этот опыт и навыки так или иначе пригодились в дальнейшем. Жена преподавала немецкий язык в советской средней школе для детей военнослужащих. Под впечатлением первых успехов «оттепели» ИФМ подал заявление о приеме в кандидаты в члены партии, которое было рассмотрено положительно.

В мае 1958 г. ИФМ без заезда в Москву переехал в Посольство СССР в ФРГ на только что включенную в штатное расписание должность дежурного референта. Дипломатические отношения с Западной Германией были установлены в 1955 г. Открывшееся год спустя посольство находилось еще в стадии становления. Располагалось оно не в Бонне, а довольно далеко от него, в маленькой деревушке Роландсек, в здании бывшей гостиницы, зажатом между активно функционирующей линией железной дороги и федеральной дорогой № 9 с интенсивным движением вдоль берега Рейна. С

■ Золотой фонд МГИМО

размещением сотрудников дело обстояло неважно. Первые несколько недель ИФМ с женой и двухлетней дочкой «проживали» в крохотной комнатке под крышей с единственным окном-люком на потолок. Большую часть комнаты занимала сиротская двуспальная кровать. Девочка спала в чемодане, привезенном из Лейпцига.

Работа в качестве дежурного референта, то есть владеющего немецким языком привратника (эту должность ввели, имея в виду главным образом выпускников МГИМО), мало что давала тому, кто уже накопил кое-какой опыт работы за границей. ИФМ и его жене оставалось лишь поближе знакомиться с новыми для них реальностями развитого капитализма. Видимо, этот процесс проходил успешно. Через несколько месяцев посол А.А. Смирнов назначил ИФМ своим личным переводчиком, а представитель «Совэкспортфильма» в ФРГ Б.А. Медведев пригласил Анну Викторовну на аналогичную должность в своем бюро. Обязанности переводчика включали не только выполнение устных и письменных переводов самого различного свойства, но и функции секретаря, шефа протокола и сопровождающего в поездках по стране.

Посол, сам блестяще владевший немецким языком (он начинал свою дипломатическую карьеру еще в довоенном Берлине), в неофициальном порядке следующим образом объяснял причины, по которым не отказывается от услуг переводчика: пока идет перевод, есть время обдумать ответ; если ответ получился не совсем удачным, можно сослаться на то, что его неточно перевели; после беседы переводчик составляет ее черновую запись и тем самым экономит время и силы начальства. Следует также учитывать, что в 1930-х гг. был введен запрет для наших дипломатов встречаться с иностранцами «с глазу на глаз», хотя такая ситуация исключала доверительный характер бесед, что сильно обедняло дипломатический инструментарий. После 1953 г. этот запрет перестал строго соблюдаться, однако работники старого закала предпочитали, по мере возможности, придерживаться его.

Последовавшие два года работы рядом с А.А. Смирновым были для ИФМ высокой школой практического освоения профессии дипломата. Он стал свидетелем интереснейших бесед посла с видными представителями западногерманских политических и экономических кругов. Список контактов посла открывал канцлер Конрад Аденауэр, отношения с которым носили почти дружеский характер, несмотря на острые конфликты эпохи «холодной войны». Посол был на короткой ноге с экономическими воротилами ФРГ, для которых «восточный гешефт» с его безграничными перспективами всегда представлял особый интерес. Стремительно богатеющие финансовые тузы западногерманского гиганта то ли всерьез, то ли в шутку обещали предоставить Советскому Союзу миллиардные займы на безвозвратной основе, если он согласится повлиять на руководство ГДР в плане отказа от планов построения социализма в Восточной Германии. А.А.Смирнов предпочитал относиться к таким предложениям как к буффонаде, но докладывал о них.

Конец 1958 г. был ознаменован обострением кризиса вокруг Западного Берлина («второй берлинской блокадой», по западной терминологии). А.А.Смирнов, настоявший на том, чтобы «нажать» на западные державы в самом слабом месте их позиций в Европе, настойчиво вел дело к достижению компромисса, приемлемого для всех заинтересованных сторон, не исключая ФРГ. Не его вина, что возомнивший себя мастером на все руки Н.С. Хрущев бездарно упустил представлявшиеся возможности договориться с Западом, готовым во многом уступить (но не капитулировать).

В конечном счете Москве пришлось пойти на возведение Берлинской стены по линии секторального разграничения между Западным Берлином, оставшимся враждебным образованием внутри Варшавского договора, и восточной частью города, выполнявшей функции столицы ГДР (одновременно был ужесточен и режим пересечения германо-германской границы). Стена во многом решила существовавшие у восточногерманского государства проблемы как внутреннего свойства (переток населения, в первую очередь работников высокой квалификации, на Запад), так и внешнего порядка (Западный Берлин кишел представителями всевозможных секретных служб, не жалевших сил и времени, чтобы вредить восточным немцам, а заодно и СССР). Но в пропагандистском отношении она нанесла серьезный урон Советскому Союзу, ГДР и всему социалистическому содружеству. Обстановка вокруг Западного Берлина нормализовалась лишь десять лет спустя в результате специального соглашения четырех держав, ответственных за Германию и Берлин в целом. На конкретном материале развития ситуации в центре Европы ИФМ учился различать за каждодневной суетой внешнеполитических акций стратегическую концепцию их участников.

За возведением Берлинской стены 13 августа 1961 г. ИФМ наблюдал уже из Москвы — летом 1960 г. завершилась его первая заграничная командировка. Он приступил к работе в референтуре по ФРГ Третьего Европейского отдела МИД, который отвечал за отношения СССР с ГДР, ФРГ, Западным Берлином и Австрией. Отдел размещался в то время на 9-м этаже высотного здания на Смоленской площади, что было важно, поскольку обеспечивало территориальную близость к бюро министра на 7-м этаже. Министр, особенно после того, как им стал А.А. Громыко, держал под своим неослабным личным контролем все, что так или иначе было связано с германскими делами.

Время от времени «3-й Европе» давал задания (главным образом пропагандистского характера) и заместитель министра В.С. Семенов, возглавлявший в свое время политическую структуру Советской военной администрации в Германии и вошедший в историю как первый посол СССР в ГДР. Выполняя одно из таких заданий, ИФМ подготовил сопоставительную подборку поражавших своим сходством высказываний руководящих деятелей третьего рейха и Западной Германии по национальному вопросу и проблемам внешней

политики. Заказчик остался доволен и распорядился опубликовать подборку в журнале «Международная жизнь». ИФМ получил первый в своей жизни гонорар (гонорар был небольшой, но для семьи из пяти человек — в январе 1961 г. родились сыновья-близнецы — была важна каждая копейка). Началось долготетнее сотрудничество ИФМ с редакцией главного внешнеполитического журнала страны. Работа непосредственно на германском направлении была интересной. Сложилась хорошие отношения с коллегами. ИФМ был принят в члены КПСС.

В 1961 г. один из наиболее заметных советских дипломатов, начальник Историко-дипломатического управления МИД И.Н. Земсков, предложил ИФМ возглавить научно-исследовательский отдел с главной задачей реализовать поручение министра о подготовке обзоров истории связей СССР с ведущими участниками международных отношений. К тому времени стало ясно, что у нас отсутствуют отражающие формирование внешней политики Советского Союза систематические исторические исследования, на которые можно было бы опереться в практической работе. Труды задавленных идеологическими веригами советских историков отражали что угодно, но не действительность развития отношений СССР с внешним миром после 1917 г. Доступ к архивам оставался закрытым, а без него объективная оценка происшедшего вряд ли возможна.

Между тем советская дипломатия приступила к активизации своих действий на международной арене, которые имели целью не только расширение связей с иностранными державами, но и их перевод на более высокий и конструктивный уровень. Для планирования соответствующих шагов и прогноза реакции на них нужно было знакомство с историческими фактами без искажающей их пропагандистской мишуры. А.А. Громько поддержал идею составления для внутренних нужд обзоров отношений СССР с наиболее важными международными партнерами при использовании всех доступных фактических материалов и без каких-либо попыток «пригладить» исторические реальности. Хронологические рамки намеченной работы охватывали период от Октябрьской революции до 60-х гг. XX в. Право знакомиться с обзорами предоставлялось руководителям подразделений министерства; сохранялся гриф «Совершенно секретно». Позже основной документальный массив, освоенный составителями обзоров, послужил костяком доведенной до 1939 г. публикации «Документы внешней политики СССР», без ссылок на которую не может обойтись ни один серьезный историк.

Наряду с редакционной и технической работой по подготовке к печати уже готовых обзоров, ИФМ избрал самую, по его мнению, актуальную тему для самостоятельного исследования: он погрузился в изучение советско-германских отношений после прихода Адольфа Гитлера к власти в Германии (январь 1933 г.). Полное отсутствие всякой предвзятости послужило исходной точкой анализа относящихся к делу документов архива

МИД СССР, а также опубликованных на Западе материалов внешнеполитических архивов Великобритании, США и Франции, сохранившегося архива МИД Германии, печати того времени равно как безбрежного моря научной (и околонаучной) литературы. Важно было прояснить, как все это было на самом деле. К концу 1965 г. удалось детально восстановить картину событий до начала Второй мировой войны; был создан задел для анализа периода, предшествовавшего 22 июня 1941 г. Такая работа развивала способность проследить связь между реакцией политиков на изменения в международном положении и задачами, которые они изначально ставили перед собой. Фактический материал не оставлял сомнений в миролюбии СССР и искренности его усилий организовать коллективный отпор агрессору.

В этот момент ИФМ получил приглашение Посла СССР во Франции В.А. Зорина поработать в Париже. Посол, знаток немецких дел (неслучайно он был первым советским послом в ФРГ), придавал особое значение франко-западногерманским отношениям и искал сотрудника соответствующего профиля. Одновременное владение немецким и французским языками было в МИД явлением редким. Именно поэтому возник вопрос о кандидатуре ИФМ. Кадровики требовали быстрого решения. Начальник ИДУ находился в загранпоездке. ИФМ согласился, хотя на первых порах В.А. Зорин смог предоставить ему лишь должность третьего секретаря (через год ИФМ стал вторым секретарем, через три года — первым). Вернувшийся из поездки И.Н. Земсков афористично заметил: «Париж стоит места».

В январе 1966 г. семейство Максимычевых прибыло во французскую столицу. Все, что связано с Францией, по-особому воспринимается в России. Отношение к этой стране у русской интеллигенции традиционно почти благоговейное. В памяти ИФМ сохранились воспоминания о том, как широко в 30-х гг. в СССР отмечались годовщины Великой французской революции 1789 г. и Парижской коммуны 1871 г., которые расценивались официальными идеологами как репетиции Октября; в СССР тогда о них знали больше, чем о своей собственной революции. ИФМ мог часами рассматривать подшивку «Юманите», главной газеты французской компартии, которую изучавшая французский язык мать приносила домой. Текст «Марсельезы» он выучил раньше, чем запомнил слова «Интернационала», который был тогда Государственным гимном СССР.

Парижские годы способствовали более глубокому пониманию ИФМ значения франко-германского примирения для судеб Европы, приучили более широко подходить к проблемам континента, высветили необходимость подключения России к строительству «Большой Европы». Контакты в дипкорпусе французской столицы (особенно тесным было сотрудничество с коллегами из представительства ГДР) продемонстрировали эффективность солидарной позиции социалистических стран. Пять лет работы в посольстве на улице Гренель воспри-

■ Золотой фонд МГИМО

нимались ИФМ и его семьей как подарок судьбы, как «праздник, который всегда с тобой» (формула Эрнеста Хемингуэя). Во время визита А.Н. Косыгина во Францию осенью 1966 г. ИФМ был представлен генералу де Голлю. Ему довелось сопровождать по стране приезжавших с визитами Ю.А. Гагарина и А.А. Леонова.

В 1971 г. ИФМ был зачислен советником в отдел информации Генсекретариата МИД (генеральным секретарем министерства стал И.Н. Земсков). Дважды в сутки отдел готовил для высшего государственного руководства сводки поступавшей от советских послов информации. Таким образом, ИФМ впервые смог охватить проблематику внешней политики СССР во всей ее сложнейшей совокупности. Работа была организована в три смены, что открыло возможность приступить в нерабочее время к подготовке кандидатской диссертации на тему «Советско-германские отношения в 1933–1936 гг.» (научный руководитель А.А. Ахтамзян). В 1975 г. диссертация была успешно защищена в МГИМО МИД СССР. В 1981 г. вышла в свет написанная на ее основе книга «Дипломатия мира против дипломатии войны. Очерк советско-германских отношений в 1933–1939 гг.». В 1985 г. книга была опубликована на немецком языке.

Летом 1976 г. ИФМ назначается советником по культуре Советского Посольства в Бонне. В завершающие годы пребывания В.М. Фалина на посту Посла СССР в ФРГ и особенно при новом После В.С. Семенове (приступил к исполнению своих обязанностей в 1978 г.) советско-западно-германские культурные связи успешно развивались, охватывая все новые регионы ФРГ. Радовал рост личных контактов между деятелями культуры обеих стран. В Западной Германии побывали все, кто составлял советскую культурную элиту. Очень многие из них были гостями семьи Максимычевых в Бад-Годесберге, пригороде Бонна. Конечно, не все шло гладко – в 1980 г. не удалось предотвратить западногерманский бойкот Московской олимпиады. В профессиональном смысле ИФМ многое почерпнул у В.С. Семенова, которого вместе с А.А. Смирновым и В.А. Зориным он относит к своим главным учителям.

В 1984 г. состоялось возвращение ИФМ в Генсекретариат. На этот раз промежутки между рабочими сменами использовались для подготовки книги, посвященной истории франко-германских отношений, материал для которой собирался уже давно. «Соседи по Рейну вчера и сегодня» вышли в свет под псевдонимом М.К. Симычев в 1988 г. Одновременно началась работа над докторской диссертацией на тему «Место ФРГ в системе межгосударственных отношений в Европе» (научный консультант – профессор А.А. Ахтамзян).

В 1986 г. ИФМ в качестве эксперта делегации СССР участвовал в очередном раунде проходивших в Женеве советско-американских переговоров о сокращении вооружений. Итоги этого раунда (равно как и состоявшейся одновременно с ним встречи М.С. Горбачева и Рональда Рейгана в Рейкьявике) не ознаменовались позитивными

сдвигами, но для ИФМ контакты с американскими представителями были полезны, так как познакомили с характерными для США методами ведения международных дел. Во время заключительной неформальной встречи рабочей группы, в состав которой он входил, ИФМ прямо спросил о причинах отсутствия у делегации США, в отличие от переговорщиков с советской стороны, желания искать компромиссы. Старший из американцев с широкой улыбкой ответил: «А зачем? Вы же все равно в конце концов уступите». Дальнейший ход событий подтвердил, к сожалению, правильность его прогноза.

В 1987 г. ИФМ был командирован в Посольство СССР в ГДР на должность советника-посланника (заместителя посла). Сфера его компетенции включала не только чрезвычайно сложный комплекс отношений с Восточной Германией, являвшейся главным союзником СССР в Европе, но и весьма деликатные проблемы, связанные с Западным Берлином, который оставался занозой в теле социалистического содружества. Берлинская стена по-прежнему олицетворяла раскол Европы и мира. Немцы (и западные, и восточные) видели в ней символ отсутствия нормальных контактов между людьми. Стена входила во все более острое противоречие с атмосферой надежд и иллюзий, порожденных горбачевской перестройкой. Нетрудно было догадаться, куда будет направлен первый удар накапливавшегося недовольства немецкого населения. Посольство предупреждало об этом, однако М.С. Горбачев и Э.А. Шеварднадзе предпочитали выжидать.

Жизненный уровень граждан ГДР был самым высоким в социалистическом содружестве, однако они сравнивали свое положение с ситуацией не в СССР или в Польше, а в ФРГ, игравшей роль витрины «свободного мира». Линия СССР на разрядку приносила свои плоды, и «холодная война» подходила к концу. Это сказывалось не только внешне, но и внутри социалистического содружества. Готовность людей мириться с естественными в условиях напряженности ограничениями резко снижалась. СССР реагировал на эти изменения перестройкой своей политической и экономической жизни, но ГДР отказалась следовать примеру «старшего брата»: значительная часть ее правящей элиты считала намеченный М.С. Горбачевым путь гибельным. Политическое руководство ГДР оказалось расколотым. Если обозначившееся реформаторское крыло требовало скорейших перемен в стране, то консервативное большинство во главе с Эрихом Хонеккером отказывалось торопиться, надеясь, что все обойдется и так.

Разброд в верхах ГДР сопровождался обострением обстановки в стране, ростом раздражения и протестных настроений среди широких слоев населения. Разношерстная оппозиция, объединившаяся вокруг требования свободы поездок, использовала организационные структуры влиятельной в ГДР евангелической церкви. Методов нейтрализации такой ситуации найдено не было. Начинаясь после богослужения по понедельникам

уличные демонстрации в Лейпциге под лозунгом «Народ — это мы!» быстро стали общенациональным фактором дестабилизации. Предпринятая в такой обстановке смена руководства СЕПГ довершила возникшую сумятицу.

Хаотичная реализация решения новых лидеров ГДР об открытии КПП стены и германо-германской границы для свободного выезда и въезда восточных немцев не только не успокоила общество, но и создала фатальное впечатление, будто улица будет и дальше диктовать развитие событий в республике. Последующее мощное политическое и экономическое давление из Западной Германии размыло первоначальную решимость граждан ГДР сохранить, хотя бы временно, самостоятельность своего государства с его социальными достижениями и подтолкнуло к успешному присоединению к ФРГ. В течение одного года коренное изменение стратегической ситуации в Европе и в мире стало фактом.

Активная политика СССР была бы в состоянии если не предотвратить, то, по крайней мере, замедлить темпы ликвидации ГДР, что могло дать необходимый резерв времени для урегулирования постконфронтационной ситуации путем реального начала строительства «Большой Европы», вербально обещанной Москве Западом в качестве «компенсации» за утрату ГДР. Присутствие на восточногерманской территории почти полумиллионной Западной группы войск оставалось достаточно убедительным аргументом в пользу надежного обеспечения безопасности СССР на европейском направлении. Рекомендации берлинского посольства концентрировались на шагах, которые могли бы способствовать ограждению советских интересов на новом этапе развития.

Однако высшее руководство СССР, а затем и России продолжало считать односторонние уступки последним словом государственной мудрости. Разрушение великой державы явилось не только политической катастрофой, но и личной драмой людей, служивших России вне зависимости от ее политической системы. ИФМ подвел «по горячим следам» итоги своих берлинских впечатлений в серии статей в «Международной жизни» (1990–1995) и в книге «Последний год. Крушение. Реквием по ГДР» (1993). Он активно выступал в печати России и ФРГ с комментариями по поводу крупных внешнеполитических и внутривнутриполитических событий. Особое внимание он уделял сотрудничеству с «Независимой газетой», когда ее главным редактором был В.Т. Третьяков. По телевидению ФРГ регулярно демонстрируется

документально-игровая лента «Ставка – Германия» (Второе немецкое телевидение, в двух частях, премьерный показ 2–3 октября 2000 г.), где не только использовано большое интервью ИФМ, но и фигурирует советский посланник Максимычев, роль которого сыграл популярный актер с российскими корнями сэр Питер Устинов.

По возвращении из Берлина ИФМ подал в отставку, поскольку не мог участвовать в разрушении внешнеполитической службы, проходившем под руководством А.В. Козырева со товарищи. В начале 1993 г. его пригласили работать в Институте Европы РАН. В 1994 г. он защитил в МГИМО докторскую диссертацию в области политических наук. В последующие годы им был осуществлен ряд значительных исследовательских проектов. Среди них публикация в серии докладов Института Европы части записок берлинского периода под заголовком «„Народ нам не простит...“ Последние месяцы ГДР. Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине» (2002), подготовка ряда глав («Роль ФРГ в мировой политике», «Российско-германские политические отношения», «Культурно-цивилизационные аспекты») для коллективной монографии «Германия. Вызовы XXI века» (2009), выпуск в свет монографии «Падение Берлинской стены» (2011).

Помимо исследовательской деятельности много места и времени занимают выступления на международных конференциях, публицистика, интервью для российских и германских СМИ. ИФМ является сопредседателем Научного совета российско-германского музея Берлин-Карлсхорст (Музей капитуляции), экспертом Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания России, членом экспертного совета Фонда исторической перспективы.

С 1995 г. доктор политических наук И.Ф. Максимычев — главный научный сотрудник Института Европы РАН. Он один из ведущих германистов, знаток немецкого языка, крупный специалист по европейской безопасности и взаимоотношениям с НАТО, неутомимый пропагандист «Большой Европы» с равноправным участием России. Его сильной стороной остается знакомство с «закулисной стороной» дела, точное знание того, как принимаются внешнеполитические решения.

Golovlyov Y.F. Maksimychев I.F.: diplomat, germanist, advocate of "Big Europe".